

М. М. Ковалевский

Современные социологи

Модерн социологии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. М. Ковалевский**
Современные социологи: Модерн социологии / М. М. Ковалевский – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 432 с.

ISBN 978-5-518-00129-9

ISBN 978-5-518-00129-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

никами права и административной практикой Индіи, а также со сводами рѣшеній древнихъ ирландскихъ посредниковъ и обстоятельной разработкой, какой германскіе обычаи подвергнуты были исторической пиколой, охватилъ единымъ взглядомъ судьбы родового быта, сельской общины и феодалнаго помѣстья, одинаково на востокъ и западъ, отъ береговъ Ганга до береговъ Атлантическаго океана. Пойдемъ далѣе и спросимъ себя, чѣмъ была исторія не однихъ экономическихъ доктринъ, но и хозяйственнаго быта Европы еще въ серединѣ протекшаго столѣтія, когда Дюро де ла Майль, Бланки и всего болѣе Ропшаръ, Джибрарио и Кольмейро пытались собрать въ одну общую сокровищницу знаній отрывочныя и неполныя указанія древнихъ и средневѣковыхъ писателей о рабствѣ и крѣпостничествѣ, о помѣстьномъ хозяйствѣ и происхожденіи вольно-наемныхъ отношеній, о первоначальномъ накопленіи капиталовъ въ промышленности и торговлѣ, о запрещеніи роста, не остановившемъ развитія банковъ и кредита, и т. д. и т. д., какъ не какимъ-то обширнымъ археологическимъ музеемъ, въ которомъ всегда имѣлись налицо факты, доказывающіе преимущество переживаемаго нами экономического порядка надъ прошлыми? Только съ того времени, когда на исторіи экономического развитія Англіи почти одновременно и независимо другъ отъ друга, съ одной стороны, Марксомъ, съ другой Роджерсомъ, указана была возможность изучить выгодныя и невыгодныя стороны болѣе раннихъ періодовъ хозяйственной жизни и ихъ тѣсную связь со всѣмъ современнымъ имъ общественнымъ и политическимъ укладомъ, съ исторіей хозяйственнаго развитія произошла та же перемѣна, какую въ исторіи права знаменуетъ, положимъ, переходъ отъ Германскихъ юридическихъ древностей Гримма къ Нѣмецкой Правовой Исторіи Бруннера. На этомъ не остановился однако переворотъ, совершившійся за послѣднее двадцатилѣтіе въ исторической разработкѣ экономического матерьяла. Тогда какъ отъ середины столѣтія дошла до насъ только одна-кая попытка Гильдебранда классифицировать формы народнаго производства, обмѣна и распредѣленія, въ три преемственныя категоріи, натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства, тогда какъ первые опыты охватить общимъ воз-

ромъ развитіе экономическихъ доктринъ ограничались указаніемъ на исконную борьбу индивидуализма и коммунизма, въ настоящее время, благодаря расширенію области послѣдованій одинаково на Германію, Францію, Испанію, Англію, Италію, а за послѣднее время и Россію, благодаря восхожденію къ первоисточникамъ и тщательному изученію архивовъ, наконецъ, благодаря сближенію теорій съ современной имъ дѣйствительностью, явилась возможность построить болѣе или менѣе полную картину прогрессивнаго развитія формъ хозяйства, начиная съ охотничьихъ и пастушескихъ, переходя затѣмъ къ мірскимъ порядкамъ первыхъ земледѣльцевъ съ ихъ разнообразными видами коллективнаго пользованія, сперва захватнаго, затѣмъ передѣльнаго и наконецъ двороваго при сохраненіи въ пераэдѣльности однихъ общинныхъ угодій.

За первобытными формами хозяйственной дѣятельности, къ числу которыхъ надо отнести въ области обрабатывающей промышленности и домашнюю или, точнѣе, дворовую, изъ которой со временемъ развивается кустарная, слѣдуетъ хозяйство помѣстное. Оно выступаетъ передъ нами одинаково въ формѣ римской виллы и средневѣковаго феода, *fiel* или *manor*. Оно сохраняетъ отъ предшествующихъ ему формъ хозяйства стремленіе къ всестороннему удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ, благодаря совокупной дѣятельности рабовъ и крѣпостныхъ, участію тѣхъ и другихъ въ производствѣ предметовъ первой необходимости, начиная отъ пищи и напитковъ и оканчивая одеждой и утварью. Нѣкоторые предметы роскоши или вооруженія приобретаются, однако, уже путемъ обмѣна; для нихъ устраиваются тѣ ярмарки, которыя, выполняя періодическую дѣятельность городскихъ рынковъ, готовятъ дальнѣйшую трансформацию самодовлѣющаго хозяйства въ хозяйство мѣшное. Роль этихъ городскихъ рынковъ и ярмарокъ, какъ первыхъ очаговъ отрѣшившейся отъ удовлетворенія однихъ домашнихъ нуждъ обрабатывающей промышленности и возрастающаго въ широтѣ обмѣна, связаннаго въ свою очередь съ развитіемъ кредитныхъ слѣлокъ, выяснена въ настоящее время съ достаточной подробностью. Это обстоятельство не позволяетъ намъ болѣе говорить, вслѣдъ за Родбертусомъ, о древности, какъ не знавшей

другого хозяйства, кромѣ самодовлѣющаго или натурального. Мы не станемъ также утверждать послѣ работъ Сальвиоли, что съ переходомъ въ средніе вѣка натуральное хозяйство сдѣлалось снова общимъ правиломъ на протяженіи всей Европы, не исключая Италіи, гдѣ, наоборотъ, въ большихъ центрахъ, какъ Римъ, Равенна, Миланъ, и въ быстро расцвѣтшихъ приморскихъ портахъ Сициліи и Великой Греціи, а затѣмъ въ Пизѣ, Генуѣ и Венеціи, сталъ сосредоточиваться обмѣнъ товаровъ сѣвера съ югомъ и востока съ западомъ. Еще не достаточно изученная исторія древнѣйшихъ ярмарокъ Шампани и Фландріи, а также Великобританіи и внутренней Германіи, по всей вѣроятности, докажетъ болѣе ранній разрывъ съ порядками самодовлѣющаго хозяйства на всемъ западѣ, чѣмъ обыкновенно допускали прежніе историки-экономисты. Примѣръ крѣпостной Россіи, жившей не однимъ изготовляемымъ въ помѣстьяхъ товаромъ, способенъ па-вести на мысль, что первые зародыши денежнаго и капиталистическаго хозяйства совпадаютъ во времени съ начальными стадіями разложенія хозяйства натурального или самодовлѣющаго. А ими всюду была замѣна личной барщины оброкомъ и соответственное обращеніе прежняго крѣпостного въ кустара-коробочника. Гораздо лучше выяснены, прежде всего благодаря трудамъ Маркса, отдѣльные фазисы капиталистическаго развитія.

Экономическая литература всѣхъ эпохъ и народовъ отражаетъ на себѣ постепенную трансформацию хозяйственныхъ формъ, синтезируя се и обособляя отъ тѣхъ переживаній, какими въ каждый данный моментъ болѣе или менѣе задерживается поступательный ходъ экономики. Отсюда защита ранними экономистами роли денегъ и процента, свободы внутренняго, если не внѣшняго, обмѣна, и въ меньшей степени свободнаго обращенія земель на рынкѣ, невозможнаго безъ окончательнаго разрыва съ надѣльной системой мірскаго пользованія. Хотя мы доселѣ не имѣемъ еще ни одной исчерпывающей предметъ исторіи экономическихъ учелій, но монографическими изслѣдованіями вполне установленъ тотъ фактъ, что эту исторію нельзя начинать ни съ Адама Смита, ни даже съ физиократовъ, и что уже въ XVI в. одинаково во Франціи и Италіи встрѣчаются писатели, весьма опредѣ-

ленно сознающіе и особенности переживаемыхъ ими хозяйственныхъ порядковъ и необходимость ихъ дальнѣйшаго развитія въ опредѣленномъ направленіи.

Изъ сказаннаго о разработкѣ экономической исторіи читатель въ правѣ будетъ заключить, что мы далеки еще отъ соглашенія по всѣмъ основнымъ пунктамъ. То же въ равной степени можетъ быть сказано и о сравнительной исторіи права, сравнительной этнографіи и мѣологии. Каковы были начальныя формы общественности, и чему слѣдуетъ уподобить первыя бродячія группы людей, семьямъ или стадамъ, не допускающимъ въ удовлетвореніи генезическаго инстинкта никакой преграды, пока не возникнетъ система экзогамическихъ запретовъ, распространяемыхъ на всѣхъ женщинъ одной и той же группы или ея подраздѣленій, каковы также древнѣйшіи счетъ родства, только ли по матери или также по отцу, каковы предѣлы родительской власти и первые ея носители, гдѣ искать источникъ происхожденія политическаго главенства, исключительно ли въ воспомъ руководительствѣ, или также въ превосходствѣ ума и богатства, отъ чего зависитъ и частое выступленіе въ роли посредника вождя и патрона, все это вопросы, еще открытые. Мы также далеко не условились въ томъ, въ чемъ лежитъ причина дальнѣйшаго обособленія духовнаго главенства отъ свѣтскаго и въ какой связи стоитъ оно съ древнѣйшими вѣрованіями, каковы, наконецъ, эти послѣдніи, можно ли или нельзя считать ими исключительно разнообразныя формы анимизма, при которыхъ одухотвореніе предметовъ видимой природы, т. е. фетишизмъ въ строгомъ смыслѣ слова, развивается рука объ руку съ культомъ предковъ, наконецъ, какую роль въ установленіи послѣдняго играютъ гипнотизирующее вліяніе чародѣйства и благодарная память о дѣяніяхъ, совершенныхъ прежними вождями. Мы не исчерпали, разумѣется, и небольшой части тѣхъ вопросовъ, которые вызываютъ разнорѣчіе лицъ, предающихся изученію спеціальныхъ дисциплинъ, только что нами перечисленныхъ.

Это разнорѣчіе долгое время казалось препятствіемъ на пути сведенія въ одну абстрактную науку объ обществѣ отдѣльныхъ положеній, уже установленныхъ конкретнымъ зна-

нѣмъ. Опытъ показать, однако, что эти препятствія не являются непреодолимыми.

Соціологъ знакомится настолько съ конкретными науками объ обществѣ, чтобы имѣть возможность воспользоваться ихъ выводами, разъ они не противорѣчатъ законамъ біологій и психологій. Онъ старается затѣмъ свести въ систему эти одностороннія и не всегда исчерпывающія его любознательность частныя обобщенія и приходитъ такимъ путемъ къ построенію ученія о природѣ и развитіи общественности.

Быстрый прогрессъ той или другой изъ конкретныхъ наукъ объ обществѣ иногда колеблетъ самыя основы воздвигнутаго имъ зданія, но произведенный имъ синтетическій трудъ не пропадаетъ даромъ для его преемниковъ. Его даже ложныя обобщенія будятъ въ нихъ мысль въ извѣстномъ направленіи и служатъ имъ руководящею нитью или предохранительнымъ урокомъ.

Не въ одной, впрочемъ, спорности положеній, добытыхъ конкретными науками объ обществѣ, лежитъ источникъ трудностей, открывающихся на пути соціологамъ. Ученіе о природѣ общежитія стоитъ очевидно въ самомъ тѣсномъ отношеніи съ ученіемъ о жизни организмовъ, жизни физической и психической. Такіе вопросы, какъ поднятій Вейеманомъ споръ о передачѣ потомкамъ особенностей личнаго характера и таланта, не могутъ оставаться безразличными и для всякой новой попытки изобразить природу и судьбу общества. Происходящій въ настоящее время переворотъ въ сферахъ психологій, ея все болѣе и болѣе разрывъ съ метафизикой и переходъ, частью въ психо-физику, частью въ психо-соціологію, въ которой субъективный методъ самонаблюденія уступаетъ мѣсто болѣе объективному,—наблюденія надъ психикою кружковъ, толпы, націй и т. д., въ свою очередь вызываетъ необходимость пересмотра многого изъ того, что считалось уже болѣе или менѣе установленнымъ въ соціологій.

Но и сказаннаго еще недостаточно, чтобы показать, въ какомъ направленіи совершается въ наши дни дальнѣйшее развитіе соціологической мысли. Главный и коренной вопросъ, вокругъ котораго вращаются все разногласія, лежитъ

въ томъ, каковы важнѣйшіе и въ частности важнѣйшій факторъ общественныхъ измѣненій. По природѣ своей этотъ вопросъ принадлежитъ къ категоріи метафизическихъ. Въ действительности мы имѣемъ дѣло не съ факторами, а съ фактами, изъ которыхъ каждый такъ или иначе связанъ съ массою остальныхъ, ими обуславливается и ихъ обуславливаетъ. Говорить о факторѣ, т. е. о центральномъ фактѣ, увлекающемъ за собою всѣ остальные, для меня то же, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды, которыя своимъ движешемъ обуславливаютъ преимущественно ея теченіе. Но думая, что будущее представитъ собою не рѣшеніе, а упраздненіе самаго вопроса о факторахъ прогресса, я въ то же время выполнѣ объясняю себѣ причину, по которой современные социологи отводятъ ему такое выдающееся мѣсто въ своихъ построеніяхъ. Чтобы выйти сколько нибудь изъ хаоса безчисленныхъ воздѣйствій и противодѣйствій, совокупнымъ вліяніемъ которыхъ обуславливается сложность общественныхъ явленій, они желали бы свести все ихъ разнообразіе къ болѣе или менѣе ограниченному числу знаменателей. Такая надежда лежитъ въ корнѣ всѣхъ тѣхъ попытокъ классификаціи общественныхъ феноменовъ, съ которыми связаны въ новѣйшее время имена де-Грефа, Вормса, Астураро и др. Эти классификаціи производятся по извѣстному принципу. Такъ де-Грефъ отиравается отъ того самаго положенія, которое принято было Контомъ въ основу его классификаціи наукъ вообще. Онъ располагаетъ общественные феномены въ порядкѣ ихъ умаляющейся общности и возрастающей сложности. Въ установленномъ имъ рядѣ мы находимъ прежде всего феномены эконолическіе, затѣмъ генезическіе, эстетическіе, нравственные, религіозные, научные и наконецъ юрико-политическіе. Основу всѣмъ имъ составляетъ, по тому же де-Грефу, съ одной стороны, территорія, подъ которой онъ разумѣетъ географическое положеніе страны, ея физическую структуру, ея орографію и гидрографію, ея фауну, флору и т. д., а съ другой, населеніе съ его этнографическими, физико-психическими и другими чертами. Де-Грефъ приводитъ нѣсколько основаній въ пользу такой классификаціи общественныхъ явленій. Какъ въ живыхъ существахъ функціи питанія и размноженія всего ранѣе создаютъ свои

самостоятельные органы, такъ точно и въ человѣческихъ обществахъ. Къ этому положенію, построенному на біологической аналогіи, де-Грефъ присоединяетъ другое, опирающееся на наблюденіи самихъ общественныхъ явленій. Во всѣхъ ихъ онъ открываетъ присутствіе экономическаго зародыша, тогда какъ, наоборотъ, въ строго экономическихъ явленіяхъ якобы отсутствуютъ элементы другихъ феноменовъ болѣе сложныхъ,—религіозныхъ, научныхъ, юридико-политическихъ и т. д. Я не могу согласиться съ этой поспѣшной мыслью. Нельзя же игнорировать того, что признаніе за главаремъ, кѣмъ бы ни былъ послѣдній, роли руководителя при распредѣленіи годового дохода, а за чародѣемъ и позднѣе жрецомъ права на опредѣленную часть этого дохода значительно измѣняетъ природу даже наипростейшихъ экономическихъ явленій; а развѣ это въ концѣ концовъ не равнозначительно признанію факта воздѣйствія эстетическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ, научныхъ и юридико-политическихъ феноменовъ на экономическіе? Другая классификація, предложенная Рене Вормсомъ, отличается отъ нѣсколькихъ отличнаго критерія. Вормсъ—послѣдователь такъ называемой органической школы въ соціологіи, т. е., вмѣстѣ съ Спенсеромъ, Шефле, Лиліенфельдомъ, Новиковымъ и другими, онъ старается открыть въ обществѣ черты, сходныя съ живыми организмами. Съ этой точки зрѣнія вся соціологія распадается для него на анатомію и физиологію общества. Первая занимается изученіемъ среды и населенія, т. е. имѣетъ дѣло съ феноменами общественной географіи и этнографіи; что же касается до второй, то она интересуется феноменами четырехъ различныхъ порядковъ: экономическими, юридическими, умственными и политическими. Очевидно, что въ категорію умственныхъ вводится Вормсомъ одинаково и религіозныя и научныя, а въ категорію юридическихъ и отличныя отъ нихъ по природѣ въ виду недостатка санкціи нормы нравственности. Но куда дѣвались эстетическіе, и почему ни словомъ не упомянуто о генезисическихъ? За классификаціей Вормса можно признать только то преимущество, что она отказывается отъ установленія какого бы то ни было преобладанія между отмѣченными имъ группами феноменовъ. Авторъ не располагаетъ ихъ въ

порядкѣ возрастающей сложности и умаляющей общности. Онъ не классифицируетъ ихъ также въ двѣ категоріи, факторовъ большаго и меньшаго воздѣйствія на другіе. Въ классификаціи Астуаро, профессора Генуэзскаго университета, снова выступаетъ попытка разсортировать общественныя явленія не только по порядку ихъ возрастающей сложности, но и на основаніи, во-первыхъ, ихъ генетической связи между собою, связи происхожденія и преемства, а во-вторыхъ, съ точки зрѣнія ихъ приспособленности служить регуляторомъ для другихъ, менѣе сложныхъ. По этимъ тремъ критеріямъ Астуаро распредѣляетъ соціальныя факты въ слѣдующія группы: экономическихъ, семейныхъ, юридическихъ, юридико-политическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ и научныхъ. Семейныя, или, что то же. генеалогическія, являются регуляторомъ экономическихъ, а юридическія—семейныхъ и т. д. Но какъ доказать происхожденіе генетическихъ явленій изъ экономическихъ или моральныхъ изъ юридико-политическихъ; какъ, съ другой стороны, видѣть преемство въ сложности между нравственными и религіозными, съ одной стороны, юридическими и юридико-политическими, съ другой, и какииъ регуляторомъ религіозныхъ феноменовъ могутъ быть явленія эстетическія? Впрочемъ, всѣ эти частныя возраженія падаютъ передъ однимъ общимъ и направленнымъ противъ всякой попытки доказать первенство тѣхъ или другихъ феноменовъ не по времени происхожденія, а по суммѣ вліянія. Оно, какъ вѣрно указываетъ Гропалли, лежитъ въ томъ, что англійскими писателями по социологіи и еще ранѣе ихъ Миллемъ было названо закономъ противо-дѣйствія причинъ. Въ силу этого закона, извѣстный общественный результатъ не можетъ быть объясненъ указаніемъ на одновременно встрѣчаемыя причины, такъ какъ эти послѣднія могли дѣйствовать не согласно, а наперекоръ другъ другу. Послѣдствія могутъ быть такимъ образомъ результатомъ столько же разности, сколько и суммы данныхъ воздѣйствій. Я не прочь подтвердить сказанное примѣромъ. Допустимъ, что ростъ населенія настолько увеличился, что является необходимость перейти отъ трехполья къ плодo-перемѣнному хозяйству. Но для этого нужно упразднить существующую систему вѣчно-наслѣдственной аренды крестьянъ и разбро-

сашность составляющих ихъ надѣлы полость въ открытыхъ поляхъ помѣстья, т. е. положить конецъ практикѣ, источникъ которой лежитъ въ архаическихъ формахъ коллективнаго и равнаго пользовавья, унаследованнаго помѣстьемъ отъ сельской общины. Въ какомъ направленіи при такихъ условіяхъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе, и не будетъ ли въ немъ одна причина или вѣриѣе сумма нѣсколькихъ причинъ служить тормозомъ по отношенію къ другой или суммѣ другихъ причинъ? При этомъ я еще добровольно не принимаю въ разчетъ юридическихъ нормъ, законодательныхъ и обычныхъ, удерживающихъ крестьянина на землѣ и не позволяющихъ замѣнить его фермеромъ, владельцемъ капитала, необходимаго для болѣе интензивной утилизаціи почвы; я опускаю также политическія соображенія, которыя побуждаютъ дорожить крестьянами-воздѣльвателями, какъ готовымъ контингентомъ мѣстныхъ ополченцевъ. Мною не принято также во вниманіе возрастаніе ренты на землю, послѣдствіе увеличившагося на нее спроса, и фактъ уменьшенія дохода, получаемаго собственникомъ въ формѣ неизмѣнной аренды: этотъ доходъ необходимо падаеть по мѣрѣ замѣны барщины и натуральныхъ сборовъ денежными платежами: онъ можетъ быть вызванъ также обезцѣненіемъ монеты, благодаря фальшивому чекану или въ гораздо болѣе степени благодаря открытію новыхъ серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ. Эти въ настоящее время общезвѣстныя явленія представляютъ только незначительную часть тѣхъ совмѣстно дѣйствовавшихъ или противодѣйствовавшихъ другъ другу причинъ, которыми одновременно и поддерживался, и видоизмѣнялся, и подкапывался въ корнѣ феодальный порядокъ, въ свою очередь бывший только одной изъ сторонъ современнаго ему общественнаго уклада, какъ религіозно-научнаго, такъ и эстетическаго, нравственнаго и политическаго. Прибавимъ ко всему этому еще то, что мы не имѣемъ пока ни малѣйшей возможности опредѣлить, съ какимъ темпомъ дѣйствовали всѣ эти согласныя или несогласныя между собою причины, можно ли говорить о той или другой изъ нихъ, какъ о развивавшейся въ арифметической прогрессіи, или наоборотъ прилагать къ ней формулу прогрессіи геометрической, какъ это дѣлалъ, напримѣръ

Мальтустъ въ примѣненіи къ росту населенія. Въ эти вопросы не могутъ пока даже сдѣлаться предметомъ сколько-нибудь научнаго изученія. Одно лишь монографическое исследование той или другой эпохи позволяетъ намъ опредѣлить, и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, господствовавшее въ ней вліяніе, какимъ пользовалась въ ней политика, экономика, или религія. Такъ въ эпоху Александра Македонскаго или Наполеона I-го, какъ и въ эпоху нашествія варваровъ на Римскую Имперію, политика несомнѣнно первенствовала, и наоборотъ, съ начавшейся замѣны несвободнаго труда вольнонаемными отношеніями и мануфактуръ машино-фактурами, экономикѣ, повидимому, принадлежитъ преобладающее значеніе. Въ эпоху сложенія панства или позднѣе въ эпоху развитія реформаціи, какъ и вѣками ранѣе въ эпоху образованія браманизма или мирнаго завоеванія Китая вышедшимъ изъ браманизма протестантскимъ движеніемъ Саккіа Муни, или Будды, религія временно казалась руководящей судьбами народовъ и государствъ. Если мы проникнемъ въ самую глубь вопроса, мы увидимъ, однако, что и въ эпохи, когда тѣ или другіе общественные феномены пріобрѣтали первенство, рядомъ съ ними происходила столь же глубокая эволюція и всѣхъ другихъ сторонъ народной жизни въ прямомъ или обратномъ отношеніи къ господствующей тенденціи, но всегда въ тѣсной зависимости отъ нея. Такъ эпоха объединенія міра христіанской проповѣдью была одновременно эпохой политическаго разложенія міровой Имперіи, такъ событіе, въ которомъ съ такой наглядностью выступаетъ не одно религіозное, но и политическое значеніе католицизма, я разумѣю крестовые походы, знаменуетъ собою и начало реформаціи. Оба совпадаютъ, съ одной стороны, съ эпохой завершенія феодализма, нашедшаго свое высшее нравственное и эстетическое выраженіе въ рыцарствѣ, а съ другой, съ началомъ того освобожденія, сперва города, а затѣмъ села, отъ помѣстной власти, въ которомъ лежитъ источникъ позднѣйшаго роста средняго сословія и тѣмъ самымъ причина замѣны феодальнаго строя индустріальнымъ. Мы бы никогда не кончили, если бы вздумали подтверждать рядомъ примѣровъ справедливость того общаго положенія, что ни въ одинъ моментъ исторіи не прекращается то болѣе или менѣе